

ВАШИНГТОН ИРВИНГ

ЗАМЕЧАТЕЛЬНЫЕ
ДЕЯНИЯ ПИТЕРА
ТВЕРДОГОЛОВОВОГО

Вашингтон Ирвинг Замечательные деяния Питера Твердоголового

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=25566846

Аннотация

«Проглотив изрядное количество пищи, голландцы ощутили чудесную бодрость и воодушевление и приготовились к бою. «Ожидание, – говорит летописец, – ожидание встало на ходули». Мир позабыл кружиться, или, вернее, замер, чтобы наблюдать схватку, точно олдермен² с круглым брюшком, созерцающий битву двух воинственных мух на своем камзоле...»

Содержание

Вашингтон Ирвинг (1788-1859)	4
Замечательные деяния Питера Твердоголового	7

Вашингтон Ирвинг

Замечательные деяния Питера Твердоголового

Вашингтон Ирвинг (1788-1859)

Вашингтона Ирвинга называют отцом американской литературы, потому что он начал писать тогда, когда Новый Свет не имел еще своих писателей. Его «Альгамбра», «Рассказы путешественника», «Книга эскизов» относятся к лучшим произведениям мировой литературы.

Большое мастерство в изображении природы и человеческий, характеров, тонкий юмор и острый, отточенный слог Ирвинга признаны были его современниками – Вальтером Скоттом, Байроном, Пушкиным и Диккенсом.

Вашингтон Ирвинг прожил большую жизнь, полную разнообразных впечатлений. Он много путешествовал по Америке и по Европе и был свидетелем огромных общественных движений, войн, революций. Но все эти события не нашли отражения в его творчестве. Гораздо больше, чем современность, привлекали Ирвинга героические образы прошлого, народные предания и легенды.

Несколько лет Ирвинг прожил в Испании. Мадрид, Грe-

нада, Севилья стали для него второй родиной. Он горячо полюбил испанский народ. Нищие водоносы, погонщики мулов и солдаты рассказывали ему легенды о зачарованных кладах, о мавританских дворцах и принцессах. В старинных монастырских библиотеках Ирвинг перелистывал пыльные фолианты, и прошлое Испании вставало перед ним. Много прекрасных романтических сказок написал Ирвинг о временах арабского владычества в Испании.

Тут же, в Испании, Ирвинг работал над «Жизнью и путешествиями Колумба». Образ великого мореплавателя, открывшего Новый Свет, был особенно дорог Ирвингу, потому что он был американцем и любил свою родную страну – ее величественные горы, бескрайные прерии, полноводные реки и непроходимые чаши лесов. Его интересовала судьба индейских племен, древних хозяев этой страны, и жизнь первых колонистов на берегах Гудзона.

Мальчиком Ирвинг часто бродил по глухим окрестностям Нью-Йорка и с жадностью слушал бесконечные рассказы местных старожилов. Много лет спустя он припомнил их в «Истории Нью-Йорка» и в «Книге эскизов». Никто ярче его не рассказал легенд молодой Америки. Предания, рассказанные Ирвингом ярко и живописно, никогда не были знаменем борьбы; он не умел видеть героику и романтику в окружающей его действительности. Он всегда писал о прошлом.

Сила Ирвинга была в том, что он умел даже самым романтическим, самым сказочным сюжетам придать убедитель-

ность реальной жизни.

Первую же свою книгу Ирвинг посвятил прошлому своей родины. Эта книга называлась «История Нью-Йорка от сотворения мира до конца голландской династии». Молодой писатель старательно собрал все скудные материалы о жизни голландской колонии на берегах Гудзона; но вымысла в его «Истории» было гораздо больше, чем правды. Книга сразу же принесла признание молодому писателю. Знаменитый шотландец Вальтер Скотт до слез хохотал над каждой страницей этой книги; Чарльз Диккенс перечитывал ее без конца, учась у Ирвинга трудному искусству юмора.

«Замечательные деяния Питера Твердоголового» – один из самых ярких эпизодов «Истории Нью-Йорка». В этой главе Ирвинг иронически описывает военные успехи голландцев; он рассказывает, как под начальством Питера Стьюивезента¹, прозванного Твердоголовым, голландское воинство штурмовало шведскую крепость Форт Христины.

М. Гершензон

¹ Питер Стьюивезент, по прозвищу Твердоголовый, был последним губернатором голландской колонии в Северной Америке; он был назначен губернатором в 1646 году; сдал колонию Англии в 1664 году.

Замечательные деяния Питера Твердоголового

Проглотив изрядное количество пищи, голландцы ощутили чудесную бодрость и воодушевление и приготовились к бою. «Ожидание, – говорит летописец, – ожидание встало на ходули». Мир позабыл кружиться, или, вернее, замер, чтобы наблюдать схватку, точно олдермен² с круглым брюшком, созерцающий битву двух воинственных мух на своем камзоле. Глаза всего человечества, как водится в подобных случаях, были обращены на Форт Христины³. Солнце, словно маленький человек в толпе на кукольном представлении, шныряло по небу, то здесь, то там высовывая голову и стараясь хоть одним глазком глянуть через плечи неотесанных облаков, которые толклись у него на дороге. Историки наполнили свои чернильницы; поэты махнули рукой на обед, потому ли, что берегли деньги на бумагу и гусиные перья, потому ли, что просто им нечего было есть. Древность угрюмо хмурилась из своей могилы, видя, как затмило ее Настоящее, – и даже Будущее, онемев, с разинутым в экстазе ртом взирало на поле брани.

Бессмертные боги, которые побывали когда-то в «пере-

² городской советник.

³ шведская крепость в окрестностях Нового Амстердама (Нью-Йорка).

делке» под Троей, забрались теперь на перины облаков и поплыли над равниной, либо, под разными личинами, вмешались в толпу бойцов, потому что каждому из них хотелось присоседиться к пирогу славы. Юпитер отправил свой перун к известному меднику, чтобы тот навел на него блеск ради такого необыкновенного случая. Венера поклялась покровительствовать шведам и вместе с Дианой, прикинувшейся вдовой сержанта, направилась к укреплениям Форта Христины. Старый буян Марс сунул за пояс два пистолета, вскинул на плечо ржавый дробовик и побрел об руку с богинями, как пьяный капрал; а позади кривоногим трубачом плелся Аполлон, наигрывая самый фальшивый мотив.

На стороне голландцев-там волоокая Юнона восседала на обозной повозке; Минерва – ни дать ни ваять разбитная маркитантка – воодушевляла солдат на битву; подоткнув подол, она потрясала кулаками и доблестно бранилась по-голландски, немилосердно коверкая слова (ибо только недавно выучилась этому языку). А Вулкан изображал из себя неуклюжего кузнеца, только что произведенного в капитаны ополчения. Все объято было жутким безмолвием или шумной подготовкой: война подняла свою ужасную морду и громко лязгала железными клыками, наершив на загривке щетину штыков.

И вот могучие военачальники вывели вперед свои силы. Дюжий Ризинг стоял здесь, непоколебимый, как тысяча скал, защищенный частоколами, по самый подбородок, за-

рывшийся в глину траншей. Его отборные солдаты выстроились вдоль брустверов в свирепом наряде; каждый яростно нафабрил усы и напوماдил волосы да так туго заплел их в косицу, что глядел из окопа, ослабившись, точно мертвая голова.

Сюда-то и двинулся неустрашимый Питер, – брови насуплены, зубы стиснуты, кулаки сжаты; казалось, он дышит клубами дыма, так неистов был огонь, клочкотавший в его груди. Его верный оруженосец ван-Корлир отважно следовал за ним с трубою, пышно увитой красными и желтыми лентами в память о прекрасной госпоже из Манхетто⁴. Позади вперевалку шли коренастые рыцари Гудзона⁵. Тут были ван-Вики, и ван-Дики, и Тэн-Эйки; ван-Нессы, ван-Тассели, ван-Гролли; ван-Хозены, ван-Гизоны и ван-Бларкомы; ван-Верты, ван-Винкли, ван-Дэмы; ван-Пельты, ван-Рипперы и ван-Брэнты. Тут были ван-Хорны, ван-Хухи, ван-Бэншотены; ван-Гельдеры, ван-Арсдели и ван-Бэммели; ван-дер-Бельты, ван-дер-Хуфы, ван-дер-Вурты, ван-дер-Лины, ван-дер-Пули и ван-дер-Спигли; потом шли Хофманы, Хухленды, Хопперы, Клопперы, Рикманы, Дикманы, Хогебумы, Розебумы, Усауты, Квакен-боссы, Роембаки, Гарребранцы, Бенсоны, Броуэры, Вальдроны; Ондердонки, Варра-Ванге-

⁴ Манхетто – нынешний Манхеттен – остров, на котором стоит Нью-Йорк, в те времена именовавшийся Новым Амстердамом. Иногда и самый город называли по имени острова – Манхетто.

⁵ река, на которой лежит остров Манхеттен.

ры, Шермерхорны, Стаутенбурги, Бринкергофы, Бонтекусы, Никербокеры, Хохстрассеры, Тэн-Бричесы, Тоу-Бричееы и множество других достойных, имена которых слишком заковыристы, чтобы можно было их написать, – а если бы и написать, все равно их не выговорить человеку; все, как один, подкрепленные плотным обедом и, говоря словами великого голландского поэта.

До края полные и гневом и капустой.

На мгновение могучий Питер замедлил шаг и, взобравшись на пень, обратился к своим дружинам па выразительном нижеголландском наречии, увещевая их драться, как «дюйвелы»⁶, и уверяя, что если они победят, то получают пропасть добычи; если же падут в бою, то, умирая, будут осчастливлены сознанием, что отдали жизнь для блага отечества и что после смерти им суждено будет узреть свои имена в храме славы, увековеченные вместе со всеми великими этого века для восторженного преклонения потомков. Подконец он поклялся им словом губернатора (а они знали его слишком хорошо, чтобы усомниться в этом хоть на мгновенье), что, если какой-нибудь маменькин сын сыграет труса или хотя бы посмеет побледнеть от страха, он, Питер Стьюивезент, будет дубить его шкуру, пока тот не выскочит из нее, как змея по весне. Тут, выхватив свой верный клинок, он трижды взмахнул им над головой, приказал ван-Корлиру трубить атаку и с возгласом: «Святой Николай и Манхетто!» храбро ринулся

⁶ голландское произношение английского слова «девил» – дьявол.

вперед.

Его воинственные соратники, успевшие тем временем запалить свои трубки, тотчас же сунули их в рот, выпустили яростные клубы и под прикрытием дыма браво пошли на приступ.

Шведский гарнизон, которому хитрый Ризинг приказал не открывать огня, пока не станут видны белки глаз атакующих, в грозном молчании стоял под прикрытием, пока голландцы не поднялись на гласис⁷. Только тогда дан был залп, такой потрясающий, что далее холмы вокруг содрогнулись и с перепугу не сдержали вод, так что хлынули из их боков ручьи, которые продолжают течь и по сей день. И, конечно, голландцы полегли бы тут все под этим жестоким огнем, не позаботься Минерва, их покровительница, чтобы шведы все, как один, зажмурили глаза. И отворотили головы, готовясь дать этот залп.

Не успели стихнуть еще раскаты, как шведы перепрыгнули через контрэскарп⁸ и с гневными выкриками обрушились на противника, схватившись с голландцами врукопашную. Много тут можно было увидеть подвигов, которым нет равных ни в летописях, ни в песнях. Здесь широкоплечий Стоффель Бринкергоф, презирая всякое иное оружие, размахивал своей дубиной, как некогда великан Бландерон своим дубом, и выколачивал ужасную дробь по твердым головам шведско-

⁷ покатый склон перед укреплением.

⁸ искусственный ров, защищающий траншей.

го воинства. Там в ожидании, подобные древним локрийским лучникам⁹, стояли ван-Кортленды и жестоко теснили врага, сгибая луки, которыми славились не даром. На высоком бугре собрались храбрецы Синг-Синга¹⁰, громкою песней славословя святого Николая и тем самым способствуя успеху голландского оружия; одни лишь Садовники¹¹ Гудзона отсутствовали на поле брани, ибо были заняты опустошением соседних арбузных гряд.

В дальнем конце поля стояли ван-Гролли с Антонова Носа¹²; они стремились в самую гущу боя, но по причине своих длинных носов никак не могли пробраться через узкий проход между двумя холмами. Также и ван-Бэншотены из Няка и Какиата, столь известные своим, умением лягаться левой ногой, вынуждены были остановиться, так как не в силах были перевести дух после обильного обеда, который съели; их, конечно, разбили бы наголову, не подоспей к ним славный отряд вольтижеров¹³, состоящий из Хопперов, кои с превеликой резвостью поспешили на выручку ван-Бэншотенам, прыгая на одной ноге. Я не могу также умолчать о доблестных подвигах Антония ван-Корлира, который добрых четверть часа вел отчаянный бой с пухлым коротышкой, швед-

⁹ знаменитые лучники древней Греции.

¹⁰ голландское поселение.

¹¹ старинный голландский род, живший на берегах Гудзона.

¹² мыс, вдающийся в Гудзон.

¹³ стрелки.

ским барабанщиком; неустрашимый Антоний отменно вы-
барабанил его шкуру и непременно уничтожил бы его на ме-
сте, случись у «его под рукой еще какое-нибудь оружие, кро-
ме взятой им в бой трубы.

Между тем битва становилась все жарче. Вперед двину-
лись могучий Якобус Варра-Вантер и дружинники Воллаба-
ута; следом за ними прокатились, как гром, все сметая пе-
ред собой, ван-Пельты из Эзопуса вместе с ван-Рипперами и
ван-Брэнтами; потом Суи-Дэмы и ван-Дэмы, оглашая воздух
проклятиями, двинулись во главе дружинников Хелл-Гэй-
та; последними прошли знаменосцы и телохранители Пите-
ра Стьюивезента с хоругвями великого бобра¹⁴ Манхетто.

Тут-то и началась ужасная схватка, яростная борьба, сви-
репое безумство, исступленное отчаяние, смятение и само-
забвение боя. Голландец и швед смешались, боролись, пых-
тели, разили. Небеса затмились тучей снарядов. Банг! – гро-
хотали ружья; хэк! – свистали палаши; бух! – ухали палицы;
краш! – приклады мушкетов; удары, толчки, пинки, тумачи,
царапины, фонари под глазами, расквашенные носы усугуб-
ляли ужас картины. Бей!» не жалея, дробя и рубя, в хвост и в
гриву, куда ни попадая, вверх тормашками, куча мала! «Дун-
дер и бликстум!» ругались голландцы. «Сплиттер и сплат-

¹⁴ По словам Ирвинга, на городском знамени Нового Амстердама изображен
был бобр в знак «земноводного происхождения» города и трудолюбия новоам-
стердамцев.

тар!» вопили шведы¹⁵. «Штурмовать укрепления!» гремел Твердоголовый Питер. «Рвать мины!» рычал дюжий Ризинг. Тар-та-рар-ра-ра! – пела труба Антония ван-Корлира, пока все голоса и звуки, вопли боли, и яростный рев, и победные клики не слились в один ужасающий шум. Земля тряслась, будто ее хватил паралич; деревья корчились, поникнув при виде подобного зрелища; скалы, как кролики, зарывались в землю, и даже ручей Христины обратился вспять и, задохнувшись от ужаса, пустился наутек вверх по склону холма!

Долго исход сражения оставался сомнительным, хотя проливной дождь, ниспосланный тучесбирателем Юпитером, в известной мере охладил пыл бойцов, подобно ведру воды, выплеснутому на стаю грызущихся дворняг; противники передохнули только миг, чтобы с удесятеренной яростью ринуться друг на друга. Как раз в ту минуту, когда они снова сшиблись, громадный и плотный столб дыма медленно прокатился к полю брани. Бойцы замерли на миг, глядя на него в немом изумлении, пока ветер, развеяв темное облако, не открыл сверкающее знамя Майкеля Пау, предводителя Коммюнипау¹⁶. Этот доблестный вождь выступал во главе фаланги раскормленных устрицами павонийцев и резервной дружины ван-Арсделей и ван-Бэм-мелей, которые оставались доселе в тылу, чтобы переварить проглоченный ими

¹⁵ восклицания, соответствующие русскому: «Гром и молния!».

¹⁶ голландское поселение вблизи Нового Амстердама, в местности, носившей название Павония.

чудовищный обед. Теперь они мужественно продвигались вперед, с вызывающей силой раскуривая свои трубки, от чего и поднялась эта грозная туча дыма; но шагали вперед они медленно – из-за своих коротких ног и великой округлости корпуса.

В эту пору боги, хранившие счастье Нидерландов, беспечно покинули поле сражения и отправились в ближайший кабачок прохладиться кружкой пива, и это едва не повлекло за собой ужасную катастрофу. Едва дружинники Майкеля Пау достигли передовой линии боя, шведы, недоумленные лукавым Ризингом, обрушили град ударов прямо на их курительные трубки. Ошарашенные этим наскоком, поверженные в ужас гибелью трубок, дородные воины дрогнули, повернули и, подобно стаду испуганных слонов, понеслись наряды своей же армии. Маленькие Хопперы были сметены этой волной; священное знамя, украшенное гигантской устрицей Коммюнипау, было втоптанно во прах, а тяжеловесные беглецы с гулким топотом мчались дальше и дальше, теснимые шведами, которые прикладывали ноги свои к задним частям ван-Арсделей и ван-Бэммелей с силой, ускоряющей их движения донельзя; даже сам достославный Майкель Пау не избежал многих тяжелых и далеко не почтительных прикосновений подошвенной кожи.

Но – о Муза! – как был неистов в гневе Питер Стьюивезент, когда издали увидел он, что армия его отступает! В порыве гнева издал он рык, способный потрясти самые хол-

мы. Этот звук новой отвагой наполнил сердца бойцов Манхетто, – вернее, они опомнились, услышав голос своего вождя, коего страшились больше, нежели всех шведов в мире. Не дожидаясь их помощи, отважный Питер с мечом в руке ринулся в самую гущу врагов. И всякий мог лицезреть деяния, достойные дней великанов. Куда ни шагнет он, враги расступались перед ним; шведы бежали кто вправо, кто влево, он гнал их, как псов, в собственные их рвы. Но, так как с безоглядной храбростью проложил он себе путь в одиночку, враги сомкнулись за его спиной и ударили на него с тыла. Один из них нацелил удар прямо ему в сердце, но сила, хранящая всех великих и правых, отвела в сторону вражеский клинок и направила его на боковой карман, в котором, покоилась чудовищная железная табакерка, обладавшая сверхъестественной мощью, подобно щиту Ахиллеса, – несомненно, потому, что украшена была изображением блаженного святого Николая. Питер Стьюивезент, как разозленный медведь, оборотился к врагу и схватил его, убежавшего, за непомерно длинную косицу.

– А, проклятый червяк! – прогремел он. – Червям на обед я тебя и отправлю!

С этими словами он взмахнул мечом и обрушил удар, который снес бы голову плуту, если бы милосердная сталь не скользнула мимо, навеки сбрив косицу с головы шведа. В это время другой супостат из-за ближайшего вала выставил свою пищаль и взял смертельный прицел; но недремлющая Ми-

нерва, которая как раз нагнулась, чтобы поправить подвязку, увидев, какая опасность угрожает любимому ее герою, выслала старика Борея¹⁷ с его мехами, и в тот самый миг, когда фитиль готов уже был коснуться полки, он дунул и смахнул порох с полки прочь.

Так шло сражение, когда отважный Ризинг, озирая поле с вершины небольшого равелина¹⁸, увидел, что непобедимый Питер колотит, бьет и тузит его войска. Обнажив палаш, извергая тысячи проклятий, он двинулся к месту битвы такой громовой поступью, какой, по словам Гезиода, шагал Юпитер, спускаясь с небес, чтобы поразить своими перунами титанов.

Когда доблестные соперники встретились лицом к лицу, они приняли вид ветеранов – чемпионов арены. Затем с минуту они глядели друг на друга злобно, словно два взбешенных кота, готовых сцепиться. Потом стали в одну позу, в другую, ударяя мечами в землю-сперва справа, затем слева, и наконец, разом бросились вперед с невероятной свирепостью. Словами не передать всех чудес силы и доблести, которые явили они в этой страшной схватке, схватке, по сравнению с которой знаменитые битвы Аякса с Гектором, Орланда с Радомонтом, Ги Варвикского с Кольбрандом Датским или славного валлийского рыцаря сэра Оуэна Горного с великаном Гуилоном – только нежные игры и праздничные заба-

¹⁷ в римской мифологии бог ветра.

¹⁸ возвышение, защищающее траншеи.

вы. Но вот доблестный Питер, улучив удобный момент, нанес удар, который мог бы рассечь его противника до самого подбородка; однако Ризинг, быстро взмахнув мечом, на самую малость успел отклонить палаш Питера Твердоголового так, что, скользнув вбок, он срезал начисто большую манерку, в которой у шведа было вино, и, продолжая разящий свой путь, отсек глубокий карман его камзола, набитый хлебом и сыром, – и сей провиант, покотившись среди двух армий, послужил причиной для новой неистовой потасовки между шведами и голландцами, так что общая схватка разгорелась еще яростней прежнего.

Вскипев при виде гибели своих боевых запасов, отважный Ризинг собрал все свои силы и направил мощный удар на голову героя. Тщетно меховая треуголка попыталась остановить падение вражеского меча. Острая сталь рассекла упрямый бобер и, конечно, раскроила бы череп всякому, кого природа не наделила сверхъестественной твердостью головы; но хрупкий клинок разбился в куски о череп Твердоголового Пита, брызнув тысячами искр, которые подобно ореолу славы осенили его лицо.

Добрый Питер качнулся под ударом и, вскинув кверху глаза, увидел, как пляшут на небосводе тысячи солнц, не говоря уже о лунах и звездах; и наконец, не имея должной опоры, так как одна нога у него была деревянная, рухнул на благородное свое седалище с громом, потрясшим холмы, и жестоко бы расшибся при этом, если бы не угодил на подушку

мягче бархата, которую провидение, или Минерва, или святой Николай, или какая-нибудь корова заботливо приготовили, чтобы принять его в этот суровый миг.

Яростный Ризинг, наперекор правилу, принятому среди всех истинных рыцарей, что «честная игра дороже серебра», поспешил воспользоваться падением героя; но, когда он наклонился, чтобы нанести роковой удар, Питер Стьюивезент стукнул его по башке своей деревянной ногой, от чего в мозгу у того грянуло во все колокола. Оглушенный швед зашатался; а находчивый Питер, схватив карманный пистолет, валившийся тут же, разрядил его прямо в голову своему врагу. Пусть не заблуждается мой читатель: это не было убийственное оружие, заряжаемое порохом и пулей; нет, это была увесистая глиняная фляга, по самое дуло заряженная двойной крепкой водкой, истинной отвагой голландца; эту флягу носил за ним, чтобы подкреплять его доблесть, небезызвестный Антоний ван-Корлир, из сумки которого она и выпала во время его яростной схватки с барабанщиком. Страшное оружие просвистало в воздухе и, так же верно, как обломок скалы, пущенный в Гектора буяном Аяксом, угодило в голову дюжему шведу.

Этот удар, направленный самим небом, решил исход сражения. Грузная голова генерала Яна Ризинга поникла на грудь; колени его подогнулись; оцепенение, подобное смерти, объяло его тело, и он грохнулся наземь с такой силой, что старый Плутон вскочил, испугавшись, как бы не проло-

милась крыша подземного дворца.

Падение Ризинга было сигналом поражения и победы: шведы дрогнули и ударились в бегство, голландцы устремились вперед и преследовали их по пятам. Иные, попеременно со шведами, проникли в крепость через подземный ход, другие штурмовали бастион¹⁹, третьи карабкались на куртины²⁰. Так в скором времени крепость Форта Христины, которая, словно вторая Троя, противостояла осаде полных десять часов, взята была приступом, причем не было потеряно ни единого человека ни с той, ни с другой стороны. Победа, в образе гигантского овода, уселась на рогатую треуголку бесстрашного Стьюивезента; и было объявлено всеми историками, которых он нанял, чтобы написать летопись своих деяний, что в этот памятный день он стяжал такое количество славы, какого хватило бы, чтобы обессмертить добрый десяток величайших героев христианского мира.

¹⁹ крепостная башня.

²⁰ крепостные насыпи.